

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ
ПОДНЕБЕСНЫЕ
УБИЙЦЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Поднебесные убийцы / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-699-92056-3

На Алтай отправляется археологическая экспедиция, чтобы разыскать ценный старинный манускрипт. Принимая во внимание особую значимость и секретность предприятия, охранять ученых во время поисковых работ было поручено группе десантников во главе с легендарным Батяней. И, как выяснилось, не зря. Очень скоро экспедицией заинтересовались китайцы, и в тот же район Горного Алтая отправилась вооруженная до зубов Триада...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С., 2016
© Оформление.
ISBN 978-5-699-92056-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Ветхий «Ан-2», называемый в народе «кукурузник», натужно взревев мотором, рванул по летному полю, поросшему невысокой густой травой. Подпрыгивая и подсакивая, он наконец подскочил повыше, да так и остался в воздухе, как бы неохотно устремляясь на взлет. Минуту спустя, уже ровно рокоча, начал набирать высоту.

Командир батальона спецназа ВДВ майор Андрей Лавров, почувствовав уже давно знакомое ощущение подъема ввысь, когда тебя снизу будто поджимают кресло и пол самолета, а уши закладывает, окинул взглядом своих подопечных — как они? К его удовольствию, все смотрелись молодцами. В принципе для этих парней прыжки с парашютом перестали быть жизненным потрясением еще в бытность их срочной службы. А уж оказавшись на Средневолжской базе спецназа, и вовсе трудно было не привыкнуть к такой обыденности,

как десантирование с различных высот, в том числе и в затяжном варианте.

Но сегодня прыжки проводились в особых условиях — при сильном порывистом ветре и очень ограниченной видимости. К тому же на незнакомой лесистой местности. Оба пилота «кукурузника», люди на редкость спокойные и бывалые, с трудом удерживали свою «двукрылую стрекозу» на нужном курсе, то и дело испытывая боковые и фронтальные порывы ветра. Но спецназовцев болтанка самолета не напрягала. Они спокойно смотрели в иллюминаторы на уходящую вниз землю, которая по мере их подъема постепенно начинала окутываться полосами тумана и затягиваться густой сизоватой дымкой. А самолет, выписывая круг за кругом, продолжал уходить в небесную вышину.

Вскоре дома, деревья и все сущее, покоящееся на земной поверхности, исчезло в сплошной облачной пелене, словно землю укутали толстым лохматым войлоком. Неожиданно над дверью в пилотскую кабину замигал сигнальный фонарь и раздался прерывистый звук зуммера — они вышли на заданную высоту и находятся над точкой высадки десанта.

Разговоры в кабине сразу же стихли, парни один за другим потянулись к распахнутой настезь

двери и, с невозмутимым видом шагнув в пустоту, стали камнем падать вниз. Лавров, как всегда, прыгал последним. Для него этот процесс уже давно превратился из незабываемого события в рутину. Покидая самолет, как принято говорить у десантников «крайним», Батяня старался оказаться, что называется, «на подхвате» во всех смыслах этого слова. Твердо помня аксиому о кочерге, стреляющей раз в год, он не питал иллюзий по поводу того, что опыт и энное количество прыжков — стопроцентная гарантия от всяких непредвиденных случайностей. Прыгая последним, прежде всего Батяня преследовал самую главную на тот момент цель — подстраховать всякого, кто почему-то вдруг окажется в нелюбимчиках у вредины-Фортуны.

Стоя у выхода, он внимательно, даже придирчиво вглядывался в каждого, кто из кабины самолета шагал в пустоту. Но пока все шло, как обычно, без осложнений.

— Леха — пошел! Вася — пошел! Марат — пошел!.. — чисто механически повторял Батяня.

Прыгавший предпоследним белобрысый поволжский немец Федор Эбергардт, задорно улынувшись, указал взглядом на мутное одеяло стелющихся внизу облаков.

— До встречи на земле, товарищ майор! — захватски выпалил он, исчезая вниз.

Почти сразу же следом за ним прыгнул и молчаливый якутянин Борис Заморин. И тут... Андрея словно насквозь пронзило иглой: сейчас что-то произойдет! Но что и с кем? И тут он почувствовал: с Федькой! Несмотря на сияющий вид Эбергардта, на лице парня была будто печать смертника.

Ринувшись из самолета вниз, Лавров вслед за всеми полетел вниз, широко раскинув руки и ноги. Это только домоседам думается, что падение даже с очень большой высоты скоротечно и парашютист обречен всего лишь на две вещи — успеть дернуть за пресловутое кольцо и после этого, болтаясь на стропах подобно манекену, дожидаться соприкосновения с землей. Вовсе нет! Тот, кто успел освоиться в небесной выси, даже за недолгое время свободного падения с нераскрытым парашютом успевает не только полюбоваться земным простором, но и выполнить массу разных дел. Например, произвести фото- и видеосъемку, выполнить целый каскад акробатических трюков, в том числе и групповых, а также произвести стрельбы из различных видов оружия.

Питомцы Батяни, прошедшие его школу в полном объеме, умели, находясь в свободном падении, «расчистить поляну» выстрелом из специаль-

ного гранатомета. Если имелось подозрение, что на территории, на которую выбрасывался спецназ, могла затаиться засада, подготовленные бойцы, еще летя к земле сквозь тугие воздушные струи, за считанные секунды ухитрялись произвести прицельный выстрел из гранатомета. Это гарантировало, что в каком-нибудь малоприметном углу не уцелеет засевший там вражеский снайпер, который собирался исподтишка отстреливать летящих на парашютах людей.

Но самым главным умением среди спецназовцев считалось оказание помощи тому, чей парашют по каким-то причинам не захотел раскрыться. И хотя подобное случалось крайне редко, оказание помощи терпящему бедствие Андрей считал одним из самых важных моментов в подготовке десантника. Но если в любой другой день — при умеренном ветре и ясной погоде, когда все вокруг видно до горизонта и всякого, кто неминуемо мог не приземлиться, а припечататься к земле, гарантированно подстраховали бы ближайшие соседи, — то в такую погоду, как сегодня, это сделать мог только человек с огромным опытом и колоссальным самообладанием.

В доли секунды вычислив, где именно мог находиться Федор, с учетом скорости движения самолета, Лавров перешел на наклонное, сколь-

зящее планирование. В какой-то момент он увидел его среди разрывов в облаках. Парень отчаянно боролся за жизнь. Он пытался распутать схлестнувшиеся меж собой купола и стропы основного и запасного парашютов. Оказавшись в точности над ним, Андрей сжался в комок, и земля, стремительно летевшая ему навстречу, теперь стала приближаться просто с бешеной скоростью. Но благодаря этому Батяне удалось настигнуть Эбергардта в каких-то нескольких сотнях метров от увеличивающихся на глазах вширь деревьев, реки, дорог...

— Держись! — с лету ударившись о Федора, крикнул Лавров и, мертвой хваткой вцепившись в ремень его парашютного ранца, рванул кольцо своего парашюта.

С громким хлопком над их головами раскрылся купол, что сопровождалось резким рывком, из-за чего мощь инерции мотнула Федьку вниз, и Андрей ощутил острую боль в руке, которой он держал парня. Да и тот, успев вцепиться в одежду своего спасителя, едва смог удержаться. Но тем не менее скорость его полета к земле сразу же снизилась в разы. И хотя спуск на парашюте — не ровня плавному приземлению аэронавта, путешествовавшего в небесной выси на воздушном шаре, а скорее равнозначен прыжку с крыши двухэтаж-

ного здания, он в любом случае давал стопроцентный шанс остаться в живых.

В последний миг перед приземлением Лавров успел заметить и ощутить нечто весьма необычное. Как видно, напугавшись чего-то огромного и непонятного, свалившегося сверху, с ветвей ближнего тополя суматошно вспорхнул дикий голубь. Светло-сизой тенью он выписал над землей замысловатый пируэт и, скорее всего, совсем потеряв голову от страха, метнулся наутек, по пути задев плечо Лаврова своим крылом.

— Товсь! — только и успев скомандовать в последнюю секунду спуска, Андрей ощутил весьма неласковое соприкосновение подошв своих берцов с поверхностью травянистого поля.

Они с Федором покатались по земле, теперь уже в полной мере сознавая, что самое страшное осталось позади. К месту их приземления начали сбегаться спецназовцы, те, кто уже успел погасить купол и свернуть парашют. Доносились отзвуки встревоженных голосов. Эбергардт с трудом поднялся на ноги, и на его лице тут же промелькнула болезненная гримаса.

— Что у тебя? Нога? — тоже поднявшись, строгим тоном поинтересовался Лавров.

— Да ничего! Пустяки, товарищ майор!.. — подтверждая свои слова, тот небрежно махнул рукой.

Но едва он попытался сделать шаг, тут же охнул и схватился за правую голень. Заставив парня снять берц и осмотрев ногу, Андрей заключил:

— Можно сказать, обошлось. Ничего серьезного нет. Но вот связки голеностопа потянул ты основательно. Придется пару недель побюллетенить...

— Что?! Бат... Товарищ майор! Да я за пару дней отлежусь... — начал было уверять Федор, но Лавров решительно пресек возражения.

— От-ставить! — перебил он Эбергардта. — Пройти полный курс лечения!

— Есть... — неохотно откликнулся Федька, подставляя ногу санинструктору, подоспевшему с бинтами и компрессами.

— Товарищ майор, а вас, я заметил, в момент приземления птица крылом задела, — многозначительным тоном произнес астраханец Леха Бабалин. — Это неспроста!

— Неужели? — Андрей рассмеялся. — Это что же, по-твоему, какое-то особое знамение?

— Можете смеяться, но это так и есть! — Леха с видом убежденного в своей правоте человека мотнул головой. — Мне дед рассказывал. Он в пя-

тидесятые тоже служил в ВДВ, и вот у них было такое поверье, что если кого-то во время спуска на парашюте птица коснется крылом, то этому человеку скоро придется стать участником каких-то невероятных событий.

— И тому есть какие-то подтверждения?

— Да, и не одно, — кивнул Бабалин. — Ротный деда во время войны на учениях прыгал, и его на лету какая-то птаха наподобие синички тронула крылом. А на следующий день их выбросили в тыл немцам. И он попал прямо в немецкий окоп. Его тут же схватили и отправили в свой штаб. И что бы вы думали? Он в дороге сумел освободить руки от веревок, вырубить своих конвоиров и с ними на этой же машине вернуться к своим. А сослуживец деда, с ним тоже такое приключилось — птица крылом задела, вскорости попал служить в часть, которая охраняла Байконур, и лично видел, как в космос запустили первый спутник.

— А по-моему, все это ерунда! — Морщась от боли, Федька Эбергардт держал на весу ногу, которую санинструктор старательно обматывал бинтами. — Вон, в меня на той неделе воробей ткнулся. Ну и что это... — не договорив, он осекся.

— Да, Федь, да! — Леха торжествующе рассмеялся, мотая в воздухе указательным пальцем. — И ты сегодня, можно сказать, чудом остался жив.

Если бы не Батяня — сам подумай, что могло бы случиться с тобой.

— Блин!.. — крутанув головой, недоуменно проговорил Федор и нервно рассмеялся. — В самом деле...

— Вообще-то всему есть рациональное объяснение... — Лавров внимательно посмотрел на Эбергардта. — Федя, ты, когда вчера укладывал свой парашют, о чем думал? Какие думы одолевали? Когда сегодня прыгал, что было на душе?

— Да ничего особенного... — пожал парень плечами. — В принципе все как и обычно.

— А если не в принципе? — Андрей испытующе смотрел на отчего-то замявшегося Эбергардта. — Что из дома пришло в письме, какие неприятности по службе нагрузили? Ну?..

— Гм... — Федор поморщился и неохотно поведал о том, что и впрямь вчера получил письмо, из которого узнал о вещах, не очень приятных.

Девушка, которая обещала его дожидаться, сегодня выходит замуж, хотя клялась, что будет ждать «и тысячу лет».

— ...Да это разве повод, чтобы переживать? — Эбергардт попытался изобразить безмятежную усмешку. — Было бы из-за чего! Выходит за другого? Ну и скатертью дорога. Я что, убогий какой-

нибудь? Могу себе тоже другую найти. Да еще и в сто раз лучше!

— Конечно, Федя, ты у нас парень хоть куда... — Лавров кивнул, соглашаясь. — И другую найдешь, и та глупеха еще не раз будет локти кусать. В том числе и свои...

Грохнул дружный смех. Уловив соль шуток, рассмеялся и Эбергардт.

— Но — Федя! — Уже без тени улыбки Андрей продолжил: — Как ни хорохорься, а это известие тебя все равно выбило из колеи. Ты позволил обиде овладеть тобой. Ты желал, чтобы той легкомысленной особе стало так же больно, как и тебе. Ты мысленно видел себя героически или, скажем, трагически погибшим, и ее, безутешно рыдающую у твоего гроба. Не так ли? Ну, я прав?

Некоторое время помолчав, Федор с хмурым видом кивнул.

— Во-о-о-т! От этой «печки» и будем «плясать». Своим настроением ты сам запрограммировал себя на самоуничтожение. Ясно? На уровне своего обыденного «я» ты и мысли не допускал, что хочешь своей смерти. А вот подсознание, которое не понимает аллегорий, которое все воспринимает в буквальном смысле, эту программу запустило. И ты, сам того не сознавая, какими-то движениями рук во время укладки парашюта до-